В. А. Бондарев [a]
https://orcid.org/0000-0003-4558-3564
✉ *vitalijj-bondarev27@rambler.ru*

О. И. Рудая [a]
https://orcid.org/0000-0001-8955-121X
✉ *oiru2011@yandex.ru*

[a] *Донской государственный технический университет (Россия, Ростов-на-Дону)*

Американцы на Кубани в 1927 г.: неформальные межкультурные коммуникации граждан СССР и США в период нэпа

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы межкультурных коммуникаций граждан Советской России (Советского Союза) и Соединенных Штатов Америки в период нэпа. Научно-теоретическая актуальность данной тематики обусловлена как существующими пробелами в историографии, так и практической необходимостью изучения исторического опыта 1920-х годов с целью его использования в выстраивании российско-американского диалога в современных условиях. Опираясь на документы из Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, авторы изучают события августа 1927 г., которые произошли на станции Тихорецк с участием американской делегации, представителей партийно-советских структур и рядовых обывателей Тихорецкого района Кубанского округа Северо-Кавказского края. Архивные материалы повествуют о том, как невольными участниками августовских событий оказались станичные жители Кубани, чей быт стал предметом пристального внимания иностранных туристов, совершивших вынужденную остановку в Тихорецке и посетивших станицу Ново-Леушковскую. Отмечается, что незапланированный визит американцев, явившийся полной неожиданностью для местного населения и представителей власти, обусловил неформальное общение между гражданами США и СССР, в ходе которого обе стороны не только на личном опыте расширили представления друг о друге, но и продемонстрировали социокультурные особенности своих обществ.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, новая экономическая политика, советская деревня, СССР, США, советско-американские отношения

Для цитирования: *Бондарев В. А., Рудая О.* Американцы на Кубани в 1927 г.: неформальные межкультурные коммуникации граждан СССР и США в период нэпа // Шаги/Steps. Т. 12. № 3. 2026. С. 187–208. EDN: PBHCRK.

Поступило 28 августа 2024 г.; принято 1 июля 2026 г.

© В. А. БОНДАРЕВ, О. И. РУДАЯ, 2026

V. A. Bondarev [a]
https://orcid.org/0000-0003-4558-3564
✉ *vitalijj-bondarev27@rambler.ru*

O. I. Rudaya [a]
https://orcid.org/0000-0001-8955-121X
✉ *oiru2011@yandex.ru*

[a] *Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don)*

Americans in the Kuban region in 1927: Informal cross-cultural interactions between citizens of the Soviet Union and the United States during the New Economic Policy period

Abstract. The article examines certain aspects of the issue of cross-cultural communication between citizens of Soviet Russia and the United States during the New Economic Policy (NEP) period. The academic and theoretical relevance of this topic derives both from the existing gaps in historiography and from the practical need to study the historical experience of the 1920s in order to use it in building Russian-American dialogue in the modern context. Using documents from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Social and Political History, the authors examine the events that took place in August 1927 at the Tikhoretsk railway station, involving an American delegation, representatives of party and Soviet institutions, as well as local citizens of the Tikhoretsky district of the Kuban region of the North Caucasus. Archival materials reveal that the unsuspecting participants in the August events were the residents of the Kuban, whose way of life came under the close scrutiny of foreign tourists who had made an emergency stop in Tikhoretsk and visited the village of Novo-Leushkovskaya. The unexpected visit by the Americans, which took the local population and officials by surprise, led to unplanned communication between citizens of the United States and the USSR. During this interaction, both sides expanded their understanding of one another through personal experience and demonstrated socio-cultural aspects of both societies.

Keywords: intercultural interaction, New Economic Policy, Soviet village, USSR, USA, Soviet-American relations

To cite this article: Bondarev, V. A., & Rudaya, O. I. (2026). Americans in the Kuban region in 1927: Informal cross-cultural interactions between citizens of the Soviet Union and the United States during the New Economic Policy period. *Shagi / Steps, 12*(3), 187–208. EDN: PBHCRK. (In Russian).

Received August 28, 2024; accepted July 1, 2026

© V. A. BONDAREV, & O. I. RUDAYA, 2026

EDN: PBHCRK

Проблема межкультурных коммуникаций СССР и зарубежья в 1920-е годы при непосредственном взаимодействии советских граждан и иностранцев (в частности, представителей США) отражена в отечественной историографии фрагментарно. В целом ряде диссертаций, статей и монографий, среди которых заслуживают упоминания работы В. К. Фураева [1964], Г. Б. Куликовой [2001; 2013], К. Т. Тихого [2000a; 2000b], Н. С. Фроловой [2001], Е. Н. Журиной [2013] и др. [Выгодский 1963; Иоффе 1969; Дементьева 1987; Шведов 1987], основное внимание исследователей концентрировалось на формировании образа Советского Союза в массовом сознании американцев под воздействием СМИ и общественно-политических и религиозных деятелей. Освещались как усилия советского правительства по созданию привлекательного имиджа СССР в глазах жителей США, так и агитация «прогрессивных кругов» американского общества в пользу страны Советов. Контакты же граждан Соединенных Штатов и Советского Союза, в особенности неформальные, не регулировавшиеся «ответственными лицами» обеих стран, практически не становились предметом специального исследования.

Между тем их изучение представляет собой актуальную в научно-теоретическом и практическом планах задачу. Анализ источников, повествующих о непосредственном взаимоотношении представителей СССР и США, свидетельствует, что такое общение формировало у собеседников более полные и объективные представления друг о друге, чем те, которые создавали и культивировали СМИ и политики. Весьма значимым является и то обстоятельство, что в ходе неформальных контактов у обеих сторон диалога рельефно проявлялись культурные черты тех обществ, к которым они принадлежали. Рассмотрение подобных отношений позволяет расширить знания о содержании и динамике взаимных представлений советских и американских граждан друг о друге. Осмысление опыта советско-американских контактов имеет определенное значение и в рамках выстраивания диалога современной России с США.

В процессе изучения межкультурных коммуникаций рядовых граждан США и СССР период нэпа выступает одним из наиболее показательных и информативных на фоне внутри- и внешнеполитической ситуации. Как известно, молодое советское государство с момента возникновения столкнулось с «тотальным отторжением» [Иноземцев 2002: 28] со стороны капиталистического Запада, который, не сумев добиться ликвидации РСФСР во время Гражданской войны, взял курс на его международную изоляцию. По правомерному замечанию К. Т. Тихого, правящие круги США демонизировали образ РСФСР (СССР) с помощью прессы, имевшей «вполне конкретную цель: создать в американском обществе такой имидж советской системы, который исключал бы массовое движение в пользу дипломатического признания Советского правительства» [Тихий 2009: 22]. Напротив, лидеры компартии, озабоченные восстановлени-

Редакция не во всем согласна с позицией авторов, изложенной в статье.

ем разрушенной кровопролитным гражданским конфликтом страны, в 1920-е годы демонстрировали Западу свое миролюбие и готовность к политическим, экономическим и культурным контактам. Показательны, в частности, слова формального «президента» (председателя ЦИК) СССР М. И. Калинина, произнесенные им в 1926 г. в беседе с американским профессором А. Таннером, о том, что «мы ни разу не выявили своей международной агрессивности, в то время как ни одно крупное капиталистическое государство не о[т]ставило своих захватнических замашек» [Беседа 1926]. Миролюбивые заявления большевистского руководства весьма благожелательно воспринимались сторонниками СССР на Западе, которые склоняли свои правительства к сотрудничеству с новым государством, возникшим на руинах Российской империи. Разумный внешнеполитический курс советского правительства способствовал тому, что уже к середине 1920-х годов международная изоляция СССР была преодолена, и большинство ведущих стран мира либо установили с «государством победившего пролетариата» дипломатические отношения, как Великобритания и Франция, либо наладили взаимовыгодные торгово-экономические отношения, как США.

Одновременно, пользуясь стабилизацией обстановки в стране по окончании Гражданской войны, лидеры РКП(б) открыли границы для иностранцев — как для представителей бизнеса, намеревавшихся торговать и инвестировать в советскую экономику, так и для всех, желавших собственными глазами увидеть и понять «феномен возникновения и строительства нового, справедливого, доселе невиданного на планете общества» [Куликова 2013: 4]. Большевики выражали заинтересованность в посещении свой страны гражданами зарубежья, которые могли воочию наблюдать коммунистический эксперимент и по возвращении на родину содействовать формированию просоветских симпатий. В итоге на протяжении 1920–1930-х годов СССР посетили «около 100 тыс. иностранцев, т. е. примерно 5 тыс. человек в год или 13–14 человек ежедневно» [Там же]. Причем среди приезжих весьма значительную долю составляли именно граждане США. Так, в 1929 г. 51% зарубежных гостей, принятых в СССР по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, прибыли из США, а 21% — из Германии [Дэвид-Фокс 2015: 93]. Советское внешнеполитическое ведомство «всячески поощряло» поездки в страну «видных американских государственных и общественных деятелей» [Тихий 2009: 28], таких как У. Фостер, А. Р. Вильямс, Т. Драйзер и др.

Следует отметить, что в период нэпа большевистский режим отличался определенным либерализмом, который сказывался и на пребывании иностранцев в пределах Советского Союза. Г. Б. Куликова справедливо указывает, что в 1920-е годы, несмотря на устраиваемые коммунистическим официозом препоны, заграничным гостям было «несколько легче» наблюдать за неприглядными сторонами советской повседневности, налаживать неформальное общение с гражданами СССР, «участвовать в стихийных встречах и разговорах с различными категориями населения»

[Куликова 2001: 5]. Советские люди в данное время тоже имели «более широкие возможности в получении объективной информации об экономическом, политическом и культурном развитии Соединенных Штатов» [Фролова 2001: 21], чем в последующие годы. Тем самым особенности нэпа формировали благоприятную среду для межкультурных коммуникаций советских граждан и зарубежных гостей.

Поскольку к середине 1920-х годов поток иностранцев в СССР заметно увеличился (в 1925 г. страну посетили 483 человек, а в 1926-м — уже 1200 [Дэвид-Фокс 2015: 93]), советское правительство приняло решение о создании специального органа, ответственного за работу с ними. В 1925 г. было учреждено Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) во главе с О. Д. Каменевой — сестрой Л. Д. Троцкого и женой Л. Б. Каменева. Данное ведомство являлось «ключевым учреждением советской культурной дипломатии» [Там же: 25] в период нэпа, сыграв важную роль в реализации политики «мягкой силы».

ВОКС проводило огромную работу по организации приема, размещения и сопровождения зарубежных гостей. В ГАРФ хранится разнообразная документация (ф. р-5283), в том числе переписка его сотрудников и лично О. Д. Каменевой с советскими учреждениями. Изучение архивных материалов позволяет выявить основные направления и масштабы деятельности общества.

Оптимальным вариантом для иностранных гостей было заручиться рекомендациями к ВОКС со стороны советских дипломатов или торговых представителей. Так, постоянным корреспондентом О. Д. Каменевой был дипломатический агент в США Б. Е. Сквирский, неоднократно обращавшийся с просьбами о приеме американских граждан. В марте и мае 1928 г. он писал, что летом текущего года СССР собирается посетить профессор Чикагского университета Ф. Шуман, автор «весьма интересной» книги «Американская политика в отношении России после 1917 г.» (American Policy Toward Russia Since 1917). Отмечая, что профессор «весьма дружественно» настроен «по отношению к нам» и было бы «весьма важно, чтобы он имел возможность ознакомиться с СССР», Сквирский обращался к Каменевой с просьбой помочь Шуману «устроиться в Москве как можно дешевле» [Письмо 1928b; Письмо 1928c]. В ноябре того же года он просил председателя ВОКС оказать «всяческое содействие» референту «по искусству магометанских народностей» при Чикагском университет А. Попу, который был в СССР в 1925 г. и собирался приехать снова, чтобы завершить работу по изучению «постановки музейного дела у нас и персидских коллекций в наших музеях» [Письмо 1928d]. В таких случаях Каменева, как правило, заверяла просителей в том, что обязательно позаботится о визитерах.

Обращались в ВОКС и представители советских торговых организаций, не без оснований полагавшие, что забота о досуге иностранных бизнесменов благотворно повлияет на деловые переговоры с ними. Так, в августе 1926 г. в ВОКС пришло официальное письмо от Кишпромторга —

советской организации, торговавшей продуктами мясной промышленности. Дирекция Кишпромторга сообщала, что в Москву для подписания договора прибудет «очень видный американский коммерсант Оппенгеймер с женой и своим доверенным Ганзеном», и просила ВОКС организовать деловому партнеру осмотр Кремля, поскольку он выразил такое желание [Обращение 1926b].

ВОКС брало зарубежных гостей под свое покровительство, обеспечивая им максимально комфортные условия проживания. Так, в сентябре 1925 г. О. Д. Каменева обращалась в управление делами Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) с просьбой предоставить место в общежитии Дома ученых сроком на два месяца прибывшим из США поэту Г. Лейвику и беллетристу Глазману [Обращение 1925a].

Сотрудники ВОКС прилагали огромные усилия, организовывая культурную программу американцам в СССР. В декабре 1926 г. ответственный секретарь общества И. Коринец и заведующий бюро по приему иностранцев Л. Нимен направили в Центральную театральную кассу просьбу предоставить «американской писательнице Флетчер» два билета со скидкой в 50% на балет «Иосиф Прекрасный» [Обращение 1926a]. В июне 1928 г. секретарь ВОКС Л. Блок обращался в московскую администрацию с просьбой разрешить «американским гражданам Фогг и Боринг» фотографировать улицы, здания и достопримечательности Москвы [Обращение 1928a]. О. Д. Каменева также не раз просила коменданта Кремля Р. А. Петерсона предоставить американцам возможность ознакомиться с достопримечательностями столичной цитадели и особенно с экспонатами Оружейной палаты [Обращение 1925d; Обращение 1925e]. В ноябре 1925 г. она обращалась к нему с ходатайством выписать американскому профессору и политическому деятелю Г. Миллеру пропуск на Красную площадь для участия в похоронах М. В. Фрунзе [Обращение 1925c]. В августе того же года Каменева беспокоила коменданта Мавзолея, куда хотели попасть американцы К. Дюрант и Э. Эвендс [Обращение 1925f].

По мере необходимости ВОКС оказывало помощь зарубежным гостям в преодолении сложностей, с которыми они сталкивались в СССР. В частности, Каменева приняла деятельное участие в решении проблем упомянутого А. Попа. В октябре 1925 г., выполняя его просьбы, она подготовила два письма для разных адресатов. Первое ушло в Эрмитаж: Каменева просила администрацию музея выслать американцу фотоснимки ряда экспонатов, которые были ему обещаны, но так и не сделаны [Обращение 1925b]. Во втором послании, направленном заведующему Оружейной палатой Д. Д. Иванову, она ходатайствовала о передачи Попу фотографий и краткого описания «польских ковров», шитых золотом и серебром [Письмо 1925].

Разумеется, ВОКС проявляло заботу об иностранных визитерах не просто так, это был четко сформулированный государственный заказ по накоплению внешнеполитического капитала. Представляется справедливым утверждение М. Дэвид-Фокса о том, что «изолированное и дипло-

матически слабое положение революционного государства превратило сочувствие со стороны западных культурных и интеллектуальных элит в один из немногих козырей, которыми могли похвастаться большевики, и, конечно же, изобретение новых способов по добыванию этих козырей стало одним из важных приоритетов» [Дэвид-Фокс 2015: 44]. Иными словами, большевистское руководство стремилось принять иностранцев как можно лучше, чтобы получить от них положительные отзывы о стране и укрепить просоветские симпатии за рубежом. Деятельность ВОКС, выступавшего в качестве «фасадной организации» [Там же: 81], обеспечивала реализацию данной цели.

Советское правительство демонстрировало приезжим гостям разнообразные достопримечательности и особенно достижения пролетарского государства — «передовые заводы, школы, сельские поселения, учреждения культуры» [Куликова 2013: 253]. Одновременно с этим оно старалось максимально оградить их от знакомства с отрицательными явлениями советского быта и контактов с антисоветски настроенными лицами, которые могли сформировать негативное впечатление о стране Советов. В начале 1920-х годов выполнение указанных задач было чрезвычайно сложным в силу ограниченного контроля большевиков над обществом и сохранения в государстве оппозиционных элементов. У. Фостер, посетивший РСФСР в 1921 г., обоснованно полагал, что смог составить объективное мнение о наблюдаемой в ней картине:

> Находясь в России, я прилагал все усилия, чтобы познакомиться с точкой зрения не только коммунистов, политической партии, стоящей у власти, но и оппозиционеров: меньшевиков, анархистов, синдикалистов, бывших буржуа и т. д. Мне разрешалось ездить повсюду и встречаться с кем я хотел. По-моему, у меня были все возможности ознакомиться с действительной ситуацией и составить собственное мнение [Краснов 1979: 119].

Постепенно контроль советских властей над зарубежными посетителями усиливался, а режиссура мероприятий совершенствовалась. Не последнюю роль в этом процессе играли гиды и сопровождающие ВОКС, главной обязанностью которых являлось всестороннее содействие в формировании позитивного восприятия СССР. Бывший личный секретарь И. В. Сталина Б. Г. Бажанов правомерно, хотя и жестко, писал о ВОКС, что это «учреждение имеет вид большой театральной постановки» [Бажанов 2017: 169].

Все же применительно к 1920-м годам не следует преувеличивать возможности советского государства и ВОКС по контролю за иностранцами. Мнение М. Дэвид-Фокса о том, что «устремления ВОКСа серьезно превосходили его возможности» [Дэвид-Фокс 2015: 102], в полной мере подкрепляется источниками. Организация не обладала ни финансами, ни кадрами, достаточными для того, чтобы постоянно и повсеместно опекать зарубежных гостей, ограждая их от знакомства с неприглядными сторонами советской действительности. В марте 1928 г. О. Д. Каменева сетовала

на то, что объем возлагаемой на ВОКС работы постоянно растет, и общество «уже не в силах с той тщательностью ее выполнять, поскольку штаты ‹...› даже несколько сокращены» [Письмо 1928e]. В мае того же года завотделом ВОКС по связям с иностранцами Ярошевский отрицательно отреагировал на просьбу ЦК профсоюза работников просвещения обеспечить переводчиком американку Д. Гари и ее мужа Д. Макея, планировавших свой визит в СССР [Обращение 1928b]. Заверяя ЦК профсоюза в том, что ВОКС окажет американцам «всяческое содействие», Ярошевский печально констатировал:

> Что же касается предоставления им бесплатного гида, то[,] к сожалению[,] этой Вашей просьбы мы исполнить не сможем, т[ак] к[ак] не имея в своем распоряжении штатных гидов, ВОКС будет принужден оплачивать его из своих средств [Ответ 1928].

Еще более скромными возможности ВОКС становились летом, когда в стране наблюдалось «скопление иностранцев» [Письмо 1928e], или во время крупных торжеств, таких как празднование 10-летней годовщины Октября. Чрезвычайно сложно было опекать визитеров, являвшихся знаменитыми людьми с международным авторитетом. Поэтому в ширмах, которыми советское правительство и ВОКС как его инструмент пытались окружать зарубежных гостей, не единожды образовывались прорехи. В целом ряде случаев иностранцы могли наблюдать советскую реальность без прикрас и общаться с рядовыми гражданами СССР напрямую.

Ярким примером такого рода событий является путешествие по Советскому Союзу американского писателя Т. Драйзера, длившееся с 4 ноября 1927 г. по 13 января 1928 г. Будучи приглашен на Всемирный конгресс друзей СССР, который проходил в Москве 10–12 ноября 1927 г., романист настоял на том, чтобы во время поездки ему была обеспечена свобода действий и право самостоятельно решать, что осматривать и с кем встречаться. Помимо сопровождающих от ВОКС, Драйзер взял с собой личного секретаря — жившую в Москве 34-летнюю американку Р. Кеннел. О. Д. Каменева была чрезвычайно недовольна требованиями писателя и весьма жестко высказывалась о нем в своей переписке с Б. Е. Сквирским, называя автора «Американской трагедии» «страшно раздражительным алкоголиком», истерики которого «были настолько кошмарны, что не поддаются никакому описанию» [Письмо 1928e]. Однако с требованиями Драйзера советское правительство согласилось, признавая его значимость в деле распространения просоветских симпатий в Америке. За примерно 11 недель путешествия романист посетил не только Москву и Ленинград, но и Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Киев, Харьков и другие города. При помощи Кеннел он вел «Русский дневник», в котором фиксировал как достоинства, так и недостатки советской действительности и «бранил все виденное вокруг, проклиная повсеместную грязь, тараканов и вездесущий мерзкий гуляш, который, по его утверждению, заставил бы Белу Куна затеять здесь новую революцию» [Дэвид-Фокс 2015: 23].

Т. Драйзер не был единственным иностранцем, наблюдавшим нэповскую реальность во всей ее противоречивости и имевшим возможность установить неформальные контакты с рядовыми гражданами СССР. Схожая ситуация отражена в документах РГАСПИ. В фонде 17 (фонд Центрального Комитета Коммунистической партии), содержащем огромное количество уникальных сведений о самых разных сторонах советской действительности 1920-х годов, хранятся выписка из протокола № 33 заседания президиума Кубанской окружной контрольной комиссии (ОКК) ВКП(б) от 29 августа 1927 г. и справка информационного отдела ЦК ВКП(б) (за подписью помощника заведующего информотдела Двинского), составленная на основе материалов Кубанского окружкома компартии. Эти документы повествуют о весьма нетривиальном происшествии в Кубанском округе Северо-Кавказского края, имевшем место в августе 1927 г. и напрямую связанном с гражданами США.

В середине — второй половине августа 1927 г. (конкретная дата в материалах дела не указана) на железнодорожной станции Тихорецк остановился пассажирский поезд, следовавший до Пятигорска. Пунктом его отправления, вероятно, являлась Москва. Остановка была вынужденной, обусловленной разливом реки Кубань и размытием железнодорожного полотна. В возникших условиях пассажирам пришлось выйти из вагонов и ждать окончания ремонтных работ с последующим восстановлением движения.

Процесс ожидания всегда тягостен и требует большого терпения. Конечно, несколько часов «стояния» вряд ли могли расстроить пассажиров, в чьей памяти были свежи воспоминания о прелестях передвижения по железным дорогам во времена Гражданской войны, когда, как вспоминал автор «Красных дьяволят» П. А. Бляхин, ему пришлось ехать из Костромы в Баку не три дня, а «ровно месяц» [Бляхин 1985: 3]. Однако наряду с советскими гражданами в одном из вагонов находились иностранцы — «американская делегация ученых в количестве 16 человек» [Справка 1927. Л. 51]. Они следовали в Пятигорск с культурно-просветительными целями и застряли наравне с остальными пассажирами в Тихорецке. Вынужденная остановка поезда, в котором ехали американцы, создала для парторганизации Кубани непредвиденные проблемы, переросшие в нешуточный скандал.

Иностранцы не желали смиренно ожидать продолжения путешествия и выражали недовольство непредвиденной задержкой. Куратор американской группы, сотрудник ВОКС Пинчук [Справка 1927. Л. 51], оказался в непростой ситуации. Изыскивая способы развлечь своих подопечных, он решил организовать для них ознакомительную поездку по близлежащим населенным пунктам.

Для осуществления вояжа требовалось согласие местных властей. К великой радости Пинчука, в саду при железнодорожной станции Тихорецка он столкнулся с пропагандистом Тихорецкого райкома ВКП(б) Агафоновым и заведующим местного отдела политпросвета — комсо-

мольцем Первенцевым. С их помощью он попал к секретарю Тихорецкого райкома ВКП(б) Касьяненко, которого смог убедить в необходимости устроить американцам экскурсию по близлежащим станицам. Зная о том, что гидам ВОКС была присуща «постоянная раздраженность высокомерием западных гостей» [Дэвид-Фокс 2015: 97], можно представить, в каких выражениях Пинчук объяснял Касьяненко значимость данной поездки. Вспоминается сюжет из бессмертного романа «Мастер и Маргарита», когда Коровьев-Фагот притворно жалуется Н. И. Босому на Воланда: «Говорю вам, капризен, как черт знает что! ‹...› Вот они где у меня сидят, эти интуристы! ‹...› верите ли, всю душу вымотали!» [Булгаков 1989: 99].

Далее в справке информотдела ЦК ВКП(б) содержится суровое замечание:

> Секретарь райкома [Касьяненко], не учтя того обстоятельства, что делегация является буржуазной, а также и то, что центр, назначая ей маршрут без посещения деревни, руководствовался определенными соображениями, допустил целый ряд грубейших ошибок [Справка 1927. Л. 51].

Первой из них стало разрешение на поездку американцев в две окрестные станицы — Тихорецкую и Ново-Леушковскую.

Современные исследователи должны быть благодарны Касьяненко за эту «ошибку». Партийно-советское руководство и подчиненные ему сотрудники ВОКС были склонны знакомить иностранцев «в основном с жизнью Москвы и Ленинграда», а не с действительностью «провинциальной и особенно сельской России» [Куликова 2013: 253]. В данном же случае произошло довольно редкое событие — непосредственный контакт граждан США с сельскими жителями РСФСР. Несмотря на то что Касьяненко приставил к американцам сотрудников райкома (в источниках упоминается пропагандист Агафонов), он не озаботился послать с ними «достаточно опытных руководителей ‹...›, что дало возможность делегации производить снимки, ставить вопросы, на которые местные руководители часто не могли достаточно авторитетно ответить» [Справка 1927. Л. 52]. Иными словами, секретарь Тихорецкого райкома ВКП(б) сделал все, чтобы, как и в случае с путешествием Т. Драйзера, встреча американцев с кубанскими обывателями проходила без каких-либо ограничений.

Судя по содержанию источников, американских ученых во время посещения станиц Тихорецкой и Ново-Леушковской особенно интересовали демократические институты власти в СССР. Это вполне объяснимо: в рамках политической идеологии США демократия считалась наилучшей формой общественно-политического устройства, а собственное государство рассматривалось как ее эталон. Сотрудники партаппарата Тихорецкого района, сопровождавшие иностранцев, докладывали, что последние интересовались, «достаточно ли проводится демократия в станицах при выборах», «сколько коммунистов» среди членов станичного совета и как

крестьяне относятся к тому, что «по конституции они имеют меньше голосов [на выборах], чем рабочие» [Справка 1927. Л. 51–52].

Когда в одной из станиц американцы посетили избу-читальню, в ней они «обратили внимание на стенгазету, где была карикатура на убегающих с заседания членов совета, и спросили — уходят ли с заседания в виде протеста или потому, что заседание затягивается?» [Справка 1927. Л. 52]. К сожалению, в этом и других случаях документы умалчивают о том, насколько полными являлись ответы на задаваемые вопросы и были ли они даны вообще. Очевидно, что автор карикатуры иронизировал именно над количеством и длительностью бесконечных заседаний в сельсоветах, с которых рядовые члены и в самом деле были готовы уйти при первой возможности, расценивая свое участие в них как пустую трату времени. Обычно они ничего не решали, властные рычаги находились в руках председателя совета и курировавших его деятельность партийных чиновников районного уровня. Подобного рода критические пассажи были весьма характерны для советской сатиры, неустанно высмеивавшей бюрократию. Что же касается «ухода с заседания в знак протеста», то подобное содержание карикатуры следует исключить, поскольку в государстве с единственной правящей партией никаких легальных форм политической борьбы не существовало.

Помимо демократии, американские граждане интересовалась социально-экономическими мероприятиями ВКП(б) в деревне, их практическими результатами и ответной реакцией земледельцев. Предметом пристального внимания иностранных гостей стало соотношение социальных групп и слоев в станицах. В одном из станичных комитетов батрачества (батрачкоме) они задали его работникам неудобный вопрос: почему на селе «так много бедноты в сравнении с середняком и кулаком»? Очевидно, что высокий процент бедноты диссонировал с заявлениями советской пропаганды об улучшении жизни простого народа, что и породило подобный вопрос (хотя в период нэпа действительно наблюдался рост жизненного уровня крестьянства, отраженный в источниках как «осереднячивание»). Кроме того, американцы настойчиво вопрошали у станичников, довольны ли они своим материальным положением, «какой налог в этом году», «посилен ли налог». Ответы на эти вопросы были разными, в зависимости от степени материального благосостояния беседовавших с ними кубанцев. Середняки отвечали, что «налог посилен», тогда как бедняк, напротив, жаловался, что «урожай подкачал» и, следовательно, уплата сельскохозяйственного налога будет проходить с затруднениями [Справка 1927. Л. 51–52].

В данном случае проявлялось типичное для иностранцев недоверие к советскому официозу, который приукрашивал действительность и противоречил распространенной на Западе информации о негативном влиянии большевистской модернизации на жизнь населения СССР. Можно понять повышенный интерес американцев к материальному положению крестьян и казаков Тихорецкой и Ново-Леушковской станиц. Они спе-

шили воспользоваться возможностью увидеть ситуацию, в которой находились советские хлеборобы, без пропагандистской ретуши.

В ходе путешествия из одной станицы в другую участники американской делегации также спросили пропагандиста Тихорецкого райкома ВКП(б) Агафонова о том, как «относятся крестьяне к новому закону о браке и семье» [Справка 1927. Л. 52]. Ответ Агафонова в документах не изложен, но весьма показательно внимание американцев к вопросам семьи, брака, морали и нравственности в СССР. Советские новации в данной сфере (в частности, придание правового статуса фактическому сожительству) неоднозначно воспринимались не только в самом государстве, но и за его пределами. Задавая вопросы об отношении крестьян к реформированию семейно-брачных отношений, иностранцы желали получить информацию из первых уст и, возможно, надеялись услышать, что подобные нововведения не пользовались народной поддержкой.

Не ограничиваясь расспросами и беседами, американская группа активно фотографировала все, что привлекало ее внимание. Ввиду неожиданного прибытия гостей никто из представителей администрации не успел облагородить внешний вид кубанских станиц, и американцам представился редкий шанс лицезреть и запечатлевать сельскую действительность периода нэпа. В Тихорецкой они сфотографировали «породистых жеребцов» [Справка 1927. Л. 51], что свидетельствует об отсутствии предвзятого отношения к советскому быту и готовности замечать и фиксировать достижения СССР. Однако чаще зарубежные визитеры направляли свои фотоаппараты на те объекты, которые отражали неудовлетворительное состояние нэповской деревни. В этом проявлялось их стремление сопоставить официальную картину с наблюдаемой реальностью. Наряду с «породистыми жеребцами» туристы сфотографировали в Тихорецкой «плохое здание стансовета», «покосившуюся избу-читальню», «в окне развалившейся хаты бедняка за обедом», «оборванного партизана [19]17 года» [Там же. Л. 52]. В последнем случае речь идет об одном из красных партизан — участников просоветских добровольческих вооруженных формирований, которые в годы Гражданской войны сражались с белогвардейцами самостоятельно и вливались в ряды Красной Армии после того, как она приближалась к контролируемым ими районам. Вряд ли американцы знали, кем был в прошлом сфотографированный ими «оборванец», но для местных руководителей эта история имела неприятный осадок. Она лишний раз напомнила им о том, что немало красных партизан не получили от советской власти ожидаемого воздаяния за раны и перенесенные лишения и выражали законное недовольство (см.: [Скорик, Тикиджьян 2009; Морозова 2010]). Показательны горькие высказывания пастуха Варламова из деревни Ягодинской Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии, заявлявшего в 1927 г.:

> Почему это так — я должен пасти скотину, а какие[-]то кулаки живут на чужой счет... [Я воевал за советскую власть], а теперь я пасу скотину, всеми забытый солдат революции... Неужели вы не

> можете расправиться с кулаком, как мы расправились с Врангелем [Письмо 1927b. Л. 132].

Следует добавить, что в ходе общения с местными жителями иностранные гости продемонстрировали характерное для них чувство собственного превосходства, базировавшееся на бесспорных успехах Америки в развитии науки, техники и промышленности. По правомерному замечанию К. Т. Тихого, «осознание материального благополучия “эры процветания” 20-х гг. очень глубоко проникло в американскую жизнь», и «гордость за свою экономику стала синонимом патриотизма» [Тихий 2009: 22]. Подобный патриотизм имел свойство превращаться в высокомерие, граничившее с бестактным снобизмом. «Самоуверенным» и «высокомерным» отстаиванием американского превосходства отличался Т. Драйзер во время своего путешествия по России [Дэвид-Фокс 2015: 224]. То же самое продемонстрировали и члены американской делегации при посещении кубанских станиц. Когда один из местных комсомольцев поинтересовался, похожи ли дома в США на хаты станичников, иностранцы презрительно ответили, что в их стране «под соломенной и камышевыми [sic!] крышами живут только индейцы» [Справка 1927. Л. 52].

Собственно, научно-технический и промышленный прогресс в США не отрицался в Советском Союзе ни представителями власти, ни рядовыми гражданами, которые иногда испытывали зависть к высокому жизненному уровню американцев. Эта ситуация ярко обрисована писателем П. С. Парфеновым в его письме экономисту и государственному деятелю В. В. Оболенскому (более известному под псевдонимом Н. Осинский) от 6 сентября 1927 г. Парфенов рассказывал Осинскому, что стал свидетелем того, как группа сибирских крестьян обсуждала его статью «Американский автомобиль или российская телега»:

> Сначала они усомнились тому, чтобы в Европе и Америке было так много автомобилей, «почти 24 миллиона»[,] и чтобы каждый американский мужик имел собственный «Фордзон»[,] и задали мне вопрос: можно ли Вам верить? Я сказал им, что можно... Тогда раздался общий глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно такая счастливая и богатая страна, где мужики имеют даже автомобили[,] и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится... и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?.. И заметьте, это были самые передовые местные крестьяне, которые лучше всех здесь живут, которые читают газеты и хотят «все знать»; кроме того, среди них были коммунисты, местные кооператоры и избач, он же секретарь местной парт[ъ]-ячейки [Письмо 1927a. Л. 367–368].

Возможно, некоторые жители Тихорецка и Ново-Леушковской испытывали те же чувства зависти и восхищения, что и сибиряки. Но совершенно ясно, что высокомерие американских туристов с их презрительным заявлением о «хижинах, подобных индейским» не могло понравиться кубан-

ским станичникам и усугубило их настороженное отношение к приезжим «буржуям».

Неорганизованное и плохо проконтролированное представителями власти посещение иностранцами Тихорецкой и Ново-Леушковской станиц являлось скорее неприятным инцидентом, чем катастрофой. Важно подчеркнуть, что случаи незапланированного знакомства западных гостей с отрицательными сторонами советской действительности имели место в 1920-е годы, но они не вредили деятельности правительства по стимулированию просоветских настроений за рубежом. Даже те иностранцы, которые воочию наблюдали несоответствие нэповской ситуации и пропаганды, предпочитали комплиментарно высказываться о стране Советов. Общий медийный эффект от их вояжей «был, как правило, благоприятен для принимающей стороны» [Тихий 2009: 29]. Тот же У. Фостер в 1921 г. констатировал, что, хотя «положение [в РСФСР] душераздирающе тяжелое», большевики твердо удерживают власть, и его вера в русскую революцию в результате поездки «неизмеримо укрепилась» [Краснов 1979: 119].

Весьма показательна и позиция Т. Драйзера, который в 1927–1928 гг. наблюдал положение в СССР без прикрас и зафиксировал немало суровых суждений о советских реалиях не только в «Русском дневнике», но и в американской прессе. В частности, Б. Е. Сквирский сообщал О. Д. Каменевой в феврале 1928 г. о том, что в публикации, помещенной в «Чикаго дейли ньюс» от 6 февраля, критикуется работа ВОКС:

> Указывается на то, что Дрейзер был вынужден сидеть в Одессе целую неделю и отказаться от своего плана поехать в Константинополь только потому, что ВОКС забыл о том, что Дрейзеру, как иностранцу, необходимо разрешение на выезд из СССР [Письмо 1928a. Л. 3].

Однако уже в марте того же года дипломат спешил обрадовать председателя ВОКС, сообщая ей о чудесном преображении писателя, вернувшегося в США:

> Уважаемая Ольга Давидовна ‹...› Неприятности, причиненные Вам Дрейзером, им здесь окупаются. Он пишет сейчас целую серию статей об СССР. Общий тон статей весьма дружественный нам [Письмо 1928b].

Нельзя не согласиться с исследователями, полагающими, что отмеченные метаморфозы являлись результатом «самоцензуры» [Дэвид-Фокс 2015: 239]. Иностранцы, сочувствовавшие стране Советов и поддерживавшие идеалы коммунизма, могли возмущаться теми или иными недостатками советской действительности. Но, во-первых, им было ясно, что основная масса социокультурных и экономических проблем досталась большевикам в наследство от дооктябрьской России, где ситуацию предельно усугубили Первая мировая и Гражданская войны. Во-вторых, зарубежные гости не хотели, чтобы их критические высказывания сыграли на руку ан-

тисоветским кругам и повредили международному коммунистическому движению и «пролетарскому государству». Поэтому, нелестно оценивая отдельные элементы советского быта, иностранцы в целом комплиментарно высказывались о СССР и не подвергали сомнению правильность избранного лидерами РКП(б) пути. Вполне возможно, что посетившие кубанские станицы американцы последовали бы примеру Драйзера.

Как бы там ни было, описанный визит американских ученых раздосадовал руководителей кубанской партийной организации. Этого было достаточно, чтобы в отношении Касьяненко как главного большевика Тихорецкого района, а также его подчиненных последовали суровые оргвыводы.

Однако вояж стал лишь началом скандального происшествия, названного в источниках «безобразным делом». Из документов следует, что по возвращении американцев из станиц на железнодорожную станцию Тихорецк был «организован митинг в присутствии рабочих, служащих и военных частей» [Справка 1927. Л. 52]. Его проведение не вызвало никаких нареканий со стороны вышестоящего начальства, так как местные власти руководствовались правилом, согласно которому иностранным делегациям надлежало устраивать парадные встречи. Так, прибывшая в Советскую Россию в 1920 г. группа представителей английских тред-юнионов и лейбористов, в составе которой находился философ Б. Рассел, «передвигалась на специальном первоклассном поезде, повсюду организовывались торжественные встречи с речами и приветствиями, многочисленные митинги, банкеты, беседы с официальными лицами, представителями интеллигенции и оппозиционных партий» [Куликова 2001: 8]. Состав американской делегации неизвестен, но ее представители не были частыми гостями в Тихорецком районе, поэтому местное руководство имело все основания для торжественного приема.

Сотрудники информотдела ЦК ВКП(б), составившие справку о пребывании иностранцев на Кубани, с похвалой отзывались о поведении станичного пролетариата во время митинга:

> Рабочая масса Тихорецка показала себя революционно выдержанной. Не было ни одного выступления или заявления со стороны рабочих, которые можно было бы использовать против партии и соввласти [Справка 1927. Л. 52].

Здесь явно звучит укор кубанским хлеборобам, которые жаловались американцам на жизненные трудности и тем самым компрометировали советскую власть. Впрочем, пролетариат, по сути, и являлся ядром социальной базы большевиков, ставивших его представителей в пример менее сознательному крестьянству.

Гнев высоких руководящих лиц вызвали события, развернувшиеся по завершении официальной части. Когда митинг закончился, секретарь Тихорецкого райкома ВКП(б) Касьяненко поручил районному военному комиссару по фамилии Кроль устроить для американцев «ужин со спирт-

ными напитками, на который были приглашены комсостав и синеблузники (члены самодеятельных эстрадных агитколлективов. — *В. Б., О. Р.*)». Чтобы у членов ЦК ВКП(б), которым предназначалась справка о событиях в Тихорецке, не возникло вопросов о крепости алкоголя, сотрудники информотдела уточнили, что «во время ужина [его участники] пили водку и пиво» [Справка 1927. Л. 52].

Конечно, организованный в честь американцев банкет не мог быть поставлен в вину партийным деятелям Тихорецкого района, поскольку являлся элементом торжественной программы. Проблема заключалась в том, что руководство района слишком увлеклось данным мероприятием. Ужин быстро превратился в «попойку», во время которой «военком Кроль, командир [территориального] полка Тростов (беспартийный, бывший офицер) и пом. командира полка Балабанов (беспартийный) перепились пьяными». Примечательно, что «вся эта попойка происходила на глазах у проходящей публики, так как никаких мер к ограждению хождения посторонних сделано не было» [Справка 1927. Л. 52]. Таким образом, пьянство начальников наблюдали рядовые граждане, которые не преминули разнести весть о позорном поведении представителей власти по всему Тихорецкому району.

Дальнейшие события развивались по нарастающей: пьянка, сменившая торжественный ужин, стала напоминать оргию. Основательно выпившие американцы пригласили нетрезвых тихорецких начальников в свой вагон. Вскоре «все купе были забиты пьющими. Пили вино и шампанское, причем шампанское носил в вагон тов. Кроль, исполняя лакейские обязанности... В вагоне набилась всякая проходящая публика, до проституток включительно». По слухам, американцы сфотографировали Кроля в обнимку с двумя проститутками, намереваясь написать под фотографией, что это «мэр города». Но если военком это и заметил, обеспокоен он не был. Напротив, пребывая в состоянии сильного алкогольного опьянения, Кроль хвастался: «Я американку лапал», — и рекомендовал товарищам «пить и использовать американов» [Справка 1927. Л. 52–53].

Алкоголь развязал тихорецким чиновникам не только руки, но и языки: под воздействием выпитого они начинали говорить лишнее. Хорошо, когда рядом не было сопровождавшего американцев Пинчука, который обычно переводил своим подопечным все то, что произносили окружающие. Но среди местного начальства оказался человек, знавший иностранные языки и не державший собственный язык за зубами. Это был уже упомянутый командир полка Тростов, бывший офицер российской императорской армии. Очевидцы утверждали, что он «говорил с [американской] делегацией на немецком и чешском языках, о чем говорил, никому неизвестно». Сам Тростов позже рассказывал, что всего лишь жаловался американцам на мизерный размер полагающейся ему заработной платы, несопоставимый со статусом полкового командира: говорил, что «у нас в полку 5000 человек, а жалованья он получает [только] 400 рублей» [Справка 1927. Л. 52].

После отъезда американской делегации для руководства Тихорецкого района наступило тяжелое отрезвление. Как отмечается в составленной информотделом ЦК ВКП(б) справке, «это безобразное дело» было разобрано Кубанской окружной контрольной комиссией (ОКК) уже 29 августа 1927 г. и «на его участников были наложены партвзыскания». Действительно, согласно протоколу № 33 заседания президиума Кубанской ОКК, без наказаний не обошлось. Секретарь Тихорецкого райкома ВКП(б) Касьяненко получил строгий выговор с предупреждением и был снят «с руководящей партийной работы на 1 год». Наказанием пропагандисту райкома Агафонову стал выговор и годичное отстранение от служебных обязанностей. Заведующему орготделом райкома Калиновскому объявили выговор, председателю районного профсекретариата Сирченко и одному из руководителей участкового комитета профсоюза железнодорожников Чернобыльскому поставили на вид. Были и оправдательные решения: члены окружной контрольной комиссии постановили «реабилитировать» районного уполномоченного ГПУ Мишина и его делопроизводителя Бондаренко, уполномоченного транспортного отдела ГПУ Цибулина, начальника административного отдела Тихорецкого райисполкома Симонова, а также неких Чернявского и Шереметьева. Хуже всех пришлось Кролю: он был практически сразу исключен из партии и арестован, поэтому даже не присутствовал на заседании контрольной комиссии [Выписка 1927].

О беспартийных участниках этого «безобразного дела» в протоколе заседания Кубанской ОКК упоминаний нет: они не подлежали наказанию со стороны данного органа как не состоявшие в рядах ВКП(б). Но весьма вероятно, что их проступки получили соответствующую оценку со стороны непосредственного руководства — военного командования или советской администрации. Скорее всего, командир полка Тростов сильно пожалел о своей болтливости, которую можно было интерпретировать как разглашение секретной информации о численности и боеспособности вверенных ему подразделений. Хотя, возможно, в либеральные времена нэпа он отделался только выговором (тогда как в суровые 1930-е годы за подобные беседы можно было лишиться и должности, и свободы).

Вне зависимости от последствий активного неформального общения американской делегации и партийно-советских руководителей Тихорецкого района важно то, что в ходе его осуществления обе стороны (особенно принимавшая) ярко продемонстрировали специфику культурных установок своих народов. Данная коммуникация в очередной раз подтвердила, что приезд иностранцев рассматривался ее участниками «через призму превосходства и неполноценности» [Дэвид-Фокс 2015: 14]. Американцы, уверенные в культурном, экономическом и техническом превосходстве своей страны над СССР, смогли найти этому зримые подтверждения в нэповской деревне, которая не отличалась высоким уровнем инфраструктуры и бытовых удобств. Исходя из зафиксированных в источниках высказываний американских гостей, можно полагать, что жители кубанских

станиц рассматривались ими в качестве примитивных «европейских индейцев». Если принимающая сторона и стремилась продемонстрировать свои достижения (четких указаний на подобные попытки в источниках не содержится), то не добилась в этом заметных успехов. Вероятно, советские хозяева проявили иное отношение к иностранцам, воспринимая их в качестве новых высококультурных варягов. Торжественный прием позволяет говорить о том, что в данном случае (как и во множестве других) граждане СССР наделяли зарубежных гостей «исключительно высоким статусом» [Дэвид-Фокс 2015: 14] и в той или иной степени признавали их цивилизационное превосходство.

В то же время не стесненное узкими официальными рамками общение американцев и кубанцев высветило ряд важных характеристик российского социума как многонационального общества, сформировавшегося в результате тесного взаимодействия разных этносов. Среди них прежде всего открытость к контактам с представителями иных сообществ, готовность к конструктивному диалогу и сотрудничеству. Торжественная встреча, устроенная руководством Тихорецкого района американским гостям, была обусловлена не просто сложившейся в СССР практикой приема иностранных делегаций, но и спецификой общественного сознания.

Таким образом, можно констатировать, что неожиданный приезд граждан США в станицы Тихорецкого района Кубанского округа Северо-Кавказского края в августе 1927 г. и последовавшее за ним активное неформальное общение с кубанцами способствовали уточнению представлений сторон друг о друге. Иностранные визитеры получили возможность собственными глазами увидеть состояние советской глубинки 1920-х годов, которая не могла сравниться с уровнем развития сельской местности США, что и было зафиксировано в презрительном сравнении кубанцев с индейцами. Наряду с этим коммуникация контрастно выявила социокультурные особенности и образ мыслей ее участников. Если американцы продемонстрировали свое высокомерие и уверенность в превосходстве, то жители Кубани, не исключая и представителей власти, — готовность к диалогу и гостеприимство. Имело место и некоторое преклонение российских граждан перед иностранцами, воспринимавшимися как представители более развитой цивилизации, особенно на фоне разрушений Гражданской войны. Однако масштабная модернизация, развернувшаяся в СССР в 1930-е годы, резко ускорила развитие государства и способствовала не только укреплению его международного престижа, но и росту самооценки общества.

Источники

Архивные

Беседа 1926 — Беседа тов. Калинина с профессором Таннером. 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 23. Л. 40.

Выписка 1927 — Выписка из протокола № 33 заседания президиума Кубанской окружной контрольной комиссии (ОКК) ВКП(б) от 29 августа 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 63. Л. 54–55.

Обращение 1925a — Обращение О. Д. Каменевой в Управление делами ЦЕКУБУ. 30 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 7.

Обращение 1925b — Обращение О. Д. Каменевой в Эрмитаж. 6 октября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 54.

Обращение 1925c — Обращение О. Д. Каменевой к коменданту Кремля Петерсону. 2 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 10.

Обращение 1925d — Обращение О. Д. Каменевой к коменданту Кремля Петерсону. 4 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 12.

Обращение 1925e — Обращение О. Д. Каменевой к коменданту Кремля Петерсону. 18 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 13.

Обращение 1925f — Обращение О. Д. Каменевой к коменданту Мавзолея. 17 августа 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.

Обращение 1926a — Обращение ВОКС в Центральную театральную кассу. 10 декабря 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 23. Л. 201.

Обращение 1926b — Обращение Кишпромторга в ВОКС. 4 августа 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 23. Л. 108.

Обращение 1928a — Обращение ВОКС в административный отдел Моссовета. 3 июня 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 54. Л. 14.

Обращение 1928b — Обращение ЦК профсоюза работников просвещения в ВОКС. 21 мая 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 53. Л. 85.

Ответ 1928 — Ответ завотделом связи ВОКС М. Ярошевского в ЦК профсоюза работников просвещения. 30 мая 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 53. Л. 86.

Письмо 1925 — Письмо О. Д. Каменевой заведующему Оружейной палатой Иванову. 6 октября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 7. Л. 56.

Письмо 1927a — Письмо П. Парфенова к В. В. Осинскому. 6 сентября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 367–375.

Письмо 1927b — Письмо пастуха Варламова из дер. Ягодинской Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии в комиссию ЦК ВКП(б) о наемном труде. 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 2. Л. 132–133.

Письмо 1928a — Письмо Б. Е. Сквирского к О. Д. Каменевой. 11 февраля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 55. Л. 3–4.

Письмо 1928b — Письмо Б. Е. Сквирского к О. Д. Каменевой. 28 марта 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 55. Л. 10.

Письмо 1928c — Письмо Б. Е. Сквирского к О. Д. Каменевой. 28 мая 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 53. Л. 26.

Письмо 1928d — Письмо Б. Е. Сквирского к О. Д. Каменевой. 2 ноября 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 53. Л. 126.

Письмо 1928e — Письмо О. Д. Каменевой к Б. Е. Сквирскому. 9 марта 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 55. Л. 7–7 об.

Справка 1927 — Справка информотдела ЦК ВКП(б) о пребывании Американской делегации в Тихорецком районе [Кубанского округа Северо-Кавказского края]. 23 сентября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 63. Л. 51–53.

Опубликованные

Бажанов 2017 — *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть: Воспоминания личного секретаря. М.: Алгоритм, 2017.

Бляхин 1985 — *Бляхин П.* Красные дьяволята. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1985.

Булгаков 1989 — *Булгаков М.* Мастер и Маргарита. М.: Высш. шк., 1989.

Краснов 1979 — Советский Союз глазами американцев. 1917–1977: Документы и материалы / Отв. ред., сост. и авт. предисл. И. М. Краснов. М.: Мысль, 1979.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

Литература

Выгодский 1963 — *Выгодский С. Ю.* Внешняя политика СССР, 1924–1929. М.: Госполитиздат, 1963.

Дементьева 1987 — *Дементьева С.* Взаимовлияние советской социалистической и демократической прогрессивной культуры США в предвоенные годы // Взаимодействие культур СССР и США. XVIII–XX вв. / [Ред. кол.: О. Э. Туганова и др.]. М.: Наука, 1987. С. 37–44.

Дэвид-Фокс 2015 — *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.

Журина 2013 — *Журина Е. Н.* Советский Союз и США: движение навстречу друг другу; вторая половина 1920-х — 1933 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2013.

Иноземцев 2002 — *Иноземцев В. Л.* Умом Россию не понять... (Этапы деградации имиджа России в общественном мнении Запада) // Русскій Міръ. 2002. № 5. С. 27–33.

Иоффе 1969 — *Иоффе А. Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928–1932 гг. М.: Наука, 1969.

Куликова 2001 — *Куликова Г. Б.* СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 4–24.

Куликова 2013 — *Куликова Г. Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: Очерки документированной истории. М.: [Ин-т рос. истории РАН], 2013.

Морозова 2010 — *Морозова О. М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Скорик, Тикиджьян 2009 — *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Красные партизаны в советской действительности 1920-х — 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 104–114.

Тихий 2000a — *Тихий К. Т.* Американское общественное мнение о Советском государстве, 1921–1933 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневост. отд-я РАН. Владивосток, 2000.

Тихий 2000b — *Тихий К. Т.* Американцы о Стране Советов 1921–1933 гг. Владивосток: Дальнаука, 2000.

Тихий 2009 — *Тихий К. Т.* Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг. // Ойкумена. 2009. № 1. С. 21–32.

Фролова 2001 — *Фролова Н. С.* Америка и американцы в восприятии советского общества в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2001.

Фураев 1964 — *Фураев В. К.* Советско-американские отношения. 1917–1939. М.: Мысль, 1964.

Шведов 1987 — *Шведов С.* Образ Генри Форда в советской публицистике 1920–1930-х годов: восприятие и трансформация ценностей чужой культуры // Взаимодействие культур СССР и США. XVIII–XX вв. / [Ред. кол.: О. Э. Туганова и др.]. М.: Наука, 1987. С. 133–143.

References

David-Fox, M. (2012). *Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941.* Oxford Univ. Press.

Dement'eva, S. (1987). Vzaimovliianie sovetskoi sotsialisticheskoi i demokraticheskoi progressivnoi kul'tury SShA v predvoennye gody [The mutual influence of the Soviet socialist and the democratic progressive culture of the USA in the pre-war years]. In O. E. Tuganova et al. (Eds.). *Vzaimodeistvie kul'tur SSSR i SShA. XVIII–XX vv.* (pp. 37–44). Nauka. (In Russian).

Frolova, N. S. (2001). *Amerika i amerikantsy v vospriiatii sovetskogo obshchestva v 1920–1930-e gg.* [America and Americans in the perception of Soviet society in the 1920s and 1930s] (Abstract of Cand. Sci. (History) Dis., A. M. Gorky Ural. State University). (In Russian).

Furaev, V. K. (1964). *Sovetsko-amerikanskie otnosheniia. 1917–1939* [Soviet-American relations. 1917–1939]. Mysl'. (In Russian).

Inozemtsev, V. L. (2002). Umom Rossiiu ne poniat'... (Etapy degradatsii imidzha Rossii v obshchestvennom mnenii Zapada) [The mind cannot understand Russia ... (Stages of degradation of the image of Russia in the public opinion of the West)]. *Russkii Mir, 2002*(5), 27–33. (In Russian).

Ioffe, A. E.(1969). *Internatsional'nye, nauchnye i kul'turnye sviazi Sovetskogo Soiuza. 1928–1932 gg.* [International, scientific and cultural relations of the Soviet Union. 1928–1932]. Nauka. (In Russian).

Kulikova, G. B. (2001). The USSR of the 1920s–30s, as viewed by intellectuals of the West. *Otechestvennaia istoriia, 2001*(1), 4–24. (In Russian).

Kulikova, G. B. (2013). *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov: Ocherki dokumentirovannoi istorii* [A new world through the eyes of an old one. Soviet Russia of the 1920s and 1930s through the eyes of Western intellectuals: Essays on documented history] (n. e.). (In Russian).

Morozova, O. M. (2010). *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaia povsednevnost' veteranov Grazhdanskoi voiny* [Two acts of a drama: The combat past and post-war everyday life of Civil War veterans]. Izdatel'stvo IUNTS RAN. (In Russian).

Shvedov, S. (1987). Obraz Genri Forda v sovetskoi publitsistike 1920–1930-kh godov: vospriiatie i transformatsiia tsennostei chuzhoi kul'tury [The image of Henry Ford in Soviet journalism of the 1920s–1930s: Perception and transformation of values of foreign culture]. In O. E. Tuganova et al. (Eds.). *Vzaimodeistvie kul'tur SSSR i SShA. XVIII–XX vv.* (pp. 133–143). Nauka. (In Russian).

Skorik, A. P., & Tikijian, R. G. (2009). The Red guerilla warriors in the Soviet reality of 1920s–1930s (the case of Russia's South). *Rossiiskaia istoriia, 2009*(4), 104–114. (In Russian).

Tikhii, K. T. (2000a). *Amerikanskoe obshchestvennoe mnenie o Sovetskom gosudarstve, 1921–1933 gg.* [American public opinion on the Soviet state, 1921–1933] (Dr. Sci. (History) Dis., Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the RAS). (In Russian).

Tikhii, K. T. (2000b). *Amerikantsy o Strane Sovetov 1921–1933 gg*. [Americans about the land of the Soviets, 1921–1933]. Dal'nauka. (In Russian).

Tikhii, K. T. (2009). *Problemy formirovaniia pozitivnogo obraza SSSR v SSHA v pervoi polovine 1920-kh gg.* [The problems of forming of the USSR positive image by the USA in the first part of the 1920 years]. *Oikumena, 2009*(1), 21–32. (In Russian).

Vygodskii, S. Iu. (1963). *Vneshniaia politika SSSR, 1924–1929* [The foreign policy of the USSR, 1924–1929]. Gospolitizdat. (In Russian).

Zhurina, E. N. (2013). *Sovetskii Soiuz i SShA: dvizhenie navstrechu drug drugu; vtoraia polovina 1920-kh — 1933 gody* [The Soviet Union and the USA: Moving towards each other; second half of the 1920s — 1933] (Abstract of Cand. Sci. (History) Dis., I. G. Petrovsky Briansk State University). (In Russian).

Информация об авторах

Виталий Александрович Бондарев
доктор исторических наук
профессор, кафедра «История и культурология», факультет «Социально-гуманитарный», Донской государственный технический университет
Россия, 344010, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
✉ *vitalijj-bondarev27@rambler.ru*

Ольга Ивановна Рудая
кандидат исторических наук
доцент, кафедра «История и культурология», факультет «Социально-гуманитарный», Донской государственный технический университет
Россия, 344010, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1
✉ *oiru2011@yandex.ru*

Information about the authors

Vitaly Alexandrovich Bondarev
Dr. Sci. (History)
Professor, Department "History and Cultural Science", Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Don State Technical University
Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin Sq., 1
✉ *vitalijj-bondarev27@rambler.ru*

Olga Ivanovna Rudaya
Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Don State Technical University
Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin Sq., 1
✉ *oiru2011@yandex.ru*